

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Груздева*

Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 **Мой любимый киллер / Татьяна Полякова.** — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102915-9

Если твой маленький сын оказался в руках бандитов, если твоего мужа и родителей убили, значит... Значит, надо вернуть сына, отомстить за близких и при этом еще остаться в живых. Непростую задачу предстоит решить Лене Кудрявцевой. Но она совсем не безобидная овечка, и ее враги очень быстро понимают это. Правда, Лене помогает «случайно» подвернувшийся молодой человек по имени Саша, а вместе они могут многое. А когда Лена узнает, кто на самом деле ее помощник, то теряется — что ей с ним делать: застрелить или поцеловать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102915-9

Я заметила его, как только вошла в троллейбус. Высокий, плечистый, в коричневой кожаной куртке, он изо всех сил старался не обращать на меня внимания. Сел неподалеку и увлеченно смотрел в окно, решив, что темные очки скроют его безусловный интерес к моей особе.

«Что ж ты так глазоньки-то скосил?» — с усмешкой подумала я и стала пялиться на его затылок. Парню это не понравилось, он начал ерзать и смотреть в окно с еще большим старанием.

Я подавила тяжелый вздох, сомнений быть не могло: это тот самый молодчик, и явился он по мою душу.

Впервые он попался мне на глаза пару дней назад. Было около девяти утра, я вышла из здания, где размещалось наше почтовое отделение, и неожиданно замерла на ступеньках. Такое трудно объяснить. Проще назвать это предчувствием. В общем, я замерла на ступеньках с тяжелой пачкой газет, сердце вдруг ухнуло вниз, я повела головой, чутко прислушиваясь, и с трудом сделала следующий шаг, а в мозгу прошелестело: «Они здесь».

Однако улица, кусты возле почты и даже доро-

га напротив выглядели пустынно, привычно и абсолютно безопасно. Я усмехнулась — слово «безопасность» почти два года имело для меня особый смысл. И уж чему я точно не доверяла, так это пустынной улице и ее кажущейся безопасности.

— Ну-ну, — прошептала я и не спеша направилась на свой участок, холодея спиной в предчувствии неизбежного.

Где этот тип отсиживался, я не знала, скорее всего он избрал в качестве наблюдательного пункта соседний подъезд, но, если он собирается продолжить наблюдение, ему придется покинуть свое укрытие, и, с полчаса поплутав между сараями и прочими ветхими сооружениями, в большом количестве имевшимися на моем участке, прошмыгнув в пару проходных дворов и заставив, как видно, изрядно поволноваться новоявленного следопыта, я смогла его засечь: он очень неловко выскочил из-за угла, минуту назад потеряв меня в проходном подъезде, и мы, что называется, столкнулись нос к носу.

Он растерянно отпрянул и исчез за углом, но я успела его разглядеть.

Дальше было проще. Блуждая от подъезда к подъезду и используя кое-какие незатейливые приемы, я смогла еще трижды увидеть кожаную куртку вкуче с ее хозяином.

— Не очень ты ловок, — к концу своего похода заметила я, вновь углядев парня возле кустов боярышника. Боярышник рос в нескольких метрах от здания почты, и, если парень там засядет, он без труда сможет контролировать вход. Очень разумно, по-моему. «Старайся», — мысленно посоветовала я, хлопнула тяжелой дверью и оказалась в кро-

хотном коридоре, или попросту «предбаннике». Отсюда вели две двери, одна на почту, другая в отдел доставки. Я подошла к той, что слева, и нажала кнопку звонка.

Дверь открыла Люда Черняховская, как всегда заспанная и несчастная.

— Ты сегодня поздно, — сказала она лениво.

— Ага, — ответила я, проходя к столу в глубине комнаты.

К счастью, кроме меня и Людки, в отделе доставки никого не было, а Людка разговаривать не любит, она вообще малость заторможенная. Это обстоятельство позволило мне всецело сосредоточиться на мыслях о парне в коричневой кожанке.

«Они меня нашли, — с тоской подумала я, но верить в это, то есть по-настоящему верить, не хотелось. — Интересно, зачем я им понадобилась через два-то года? Опять срываться в бега? А вдруг мне только показалось, вдруг я сама себя пугаю?»

Как же, показалось... И все-таки в тот день в бега я не сорвалась, а, закончив работу, отправилась домой. Ни возле почты, ни по дороге, ни около своего дома парня я больше не увидела. Сие давало робкую надежду на то, что я испугалась зря и окружающему миру по-прежнему нет до меня никакого дела.

Эти надежды на следующий день даже окрепли: я долго бегала по участку, а потом пристально вглядывалась из окна почты, силясь что-то разглядеть в кустах боярышника, но засечь парня ни разу не смогла.

«Я ошиблась», — робко подумала я, ни секунды не веря в такую удачу.

Вечером даже робкие надежды меня покину-

ли. Я выскочила за хлебом в магазин, находящийся на углу в трех шагах от моего подъезда, и сразу же увидела парня: он сидел в синем «Фольксвагене», длинном, старом и каком-то неказистом, увлеченно разглядывая стену дома. Пока я покупала хлеб, «Фольксваген» исчез, но принять это за хороший знак я не решилась.

И вот сегодня утром стоило мне войти в троллейбус, как я вновь его увидела.

«Все-таки они меня нашли», — окончательно поняла я, таращась на его затылок. Парень был мощным, наголо бритым и ужасно меня раздражал. Очень хотелось стукнуть по этому самому затылку чем-нибудь тяжелым.

Словно услышав мои мысли, парень вдруг поднялся и шагнул к двери, правда, покинуть троллейбус не рискнул, привалился к поручню и начал заигрывать с молоденькой блондинкой, которая вошла на остановке. «Ну ты артист», — усмехнулась я, наблюдая за стараниями парня, и решила немного подпортить ему игру: встала и направилась к задней двери, троллейбус как раз остановился, и я вышла, парень тоже, оборвав свою речь на середине фразы, блондинка слегка вытаращила глазки и забыла прикрыть ротик.

Парень кинулся к киоску покупать сигареты, а я направилась к магазину «Оптика». Моему неожиданному бегству из общественного транспорта за две остановки до места работы надо было найти объяснение. Я подошла к дверям магазина, который был еще закрыт, потратила пару минут на изучение расписания его работы, вывешенного тут

же, на двери, взглянула на часы и зашагала в сторону почты.

Парня ни разу не увидела, впрочем, особых стараний я к этому не прикладывала. Без того ясно: он где-то сзади. И так, они меня нашли. Не могу сказать, что очень удивилась: подсознательно все эти месяцы я ждала и знала — в какой-нибудь ничем не примечательный день это случится. Вот и случилось...

С утра в отделе доставки всегда шумно. Сегодняшнее утро не было исключением, я выполняла привычную работу, слушала разговоры других почтальонов, что-то сама отвечала, но думать могла только о парне в кожаной куртке. Он бродит за мной по крайней мере три дня, что, на мой взгляд, совершенно излишне. Следовательно, либо парень всего лишь пешка и ожидает появление лица, которое может принимать решения, либо он вовсе не уверен в том, что я — это я, и, пытаясь в этом разобраться, пока довольствуется слезкой. Терпеливо ждать решения своей участи я никому не обещала, тем более что эта самая участь была predetermined почти два года назад, следовательно, вторая причина вероятнее. Кстати, она и мне самой нравилась больше: пока они заняты выяснением моей личности, у меня остается шанс исчезнуть. Это как раз то, что я собираюсь сделать. Но до поры до времени все должно выглядеть как обычно, чтобы кожаный не обеспокоился и не стал проявлять излишнего усердия, да и удрать сейчас просто не получится.

Я подхватила пачку газет и отправилась на свой участок. Ходила от подъезда к подъезду, не оборачиваясь и не торопясь, всем своим видом демонстрируя скуку, навеваемую ежедневной рутинной.

Парень, должно быть, остался доволен: я ни разу не изменила привычный маршрут, а поведением чем-то напоминала заторможенную Людку Черняховскую. Была среда, по средам работы у меня не так много, и на почту я вернулась одной из первых.

Людка пила чай, сидя в уголке за перегородкой, нахохлившаяся, хмурая и явно несчастная.

— Зарплату дадут? — сурово спросила она, сунув мне под нос чашку с горячим чаем.

В ответ я пожала плечами.

— Дадут или нет? — возвысила она голос.

— Чего ты орешь? — вздохнула я. — Я, что ли, зарплату выдаю? Денег у меня кот наплакал.

— У меня их вовсе нет, — обиделась Людка.

— Ну и у меня примерно столько же.

— Но что-то ты об этом думаешь? — не унималась она.

С такими, как Людка, вечная неразбериха: то слова не добьешься, то привяжутся, точно репей.

— Отстань, а? — попросила я.

— Как же — отстань, мне жрать нечего...

— Пей чай, — посоветовала я и пошла к своему столу.

Людка замолчала, сердито сопя в своем углу, и вдруг высказалась — к этому моменту я почти забыла о ее существовании и поэтому от неожиданности даже вздрогнула.

— Тебя парень вчера искал.

— Что? — подняла я голову.
— Что-что, — передразнила она. — Парень.
— Какой?
— Твой, конечно. Расспрашивал.
— Что за парень, как выглядит?
— Почему я знаю? Не меня расспрашивал, а Зою Григорьевну, — Зоя Григорьевна заведовала нашей почтой, — вечером явился. Девки говорят, крутой, кольцо с бриллиантом, морда круглая, аж светится, и на иномарке подъехал. Есть у тебя такой?

— Сегодня еще не было. Хотя иномарка—это неплохо, особенно если морда светится.

— Вот-вот, — проворчала Людка. — Чего тебе зарплату ждать, а тут хоть подыхай, ей-богу, а вот у некоторых иномарки, мужики богатые... Слушай, может, у него друг есть, мне все равно какой, хоть самый завалыщенький, и иномарка без надобности, мне б только пару раз в неделю досыта пожрать, слышь, а?

— Слышу, — кивнула я. — Спрошу, может, дружок и отыщется.

— Ага... Только не забудь, ладно?

— Не забуду, — заверила я, мысленно ухмыляясь. Вряд ли бы Людке пришла охота знакомиться с кем-нибудь из дружков парня, который вчера интересовался мною. Не из тех они людей, с кем приятно иметь дело даже на сытый желудок.

Но Людке я это говорить не стала, пусть немного помечтает, а заодно молча попьет чаю. Зарплату нам не платили уже три месяца, а Людка, как и я, совершенно одинокая, сюда она прибыла из детского дома, находящегося где-то у черта на куличках, ближе к Полярному кругу, и приходилось

ей туго, хотя и была она сызмальства привычной к голодухе.

— Может, дадут, — неожиданно вздохнула она через полчаса, имея в виду зарплату.

Тут в дверь позвонили, появилась Татьяна Елагина со своей сестрой Женькой, тоже почтальоном, и Людка переключилась на них.

А я продолжила пялиться в стену и пыталась напряженно мыслить, но шарики, или что там есть в моей голове, упорно отказывались шевелиться. Озарением даже не пахло, что неудивительно: я была слишком напугана для того, чтобы хорошо соображать.

— Лена, Кудрявцева, — позвал кто-то нетерпеливо, и я вздрогнула.

Лена Кудрявцева — это я. Если быть точной, мне принадлежит только имя, в том смысле, что его мне дали при рождении, фамилию я приобрела сама около двух лет назад при крайне неприятных обстоятельствах и не совсем честным путем.

— Что? — встрепенулась я, надеясь, что некоторая заторможенность покажется коллегам извинительной из-за моей углубленности в работу.

— Тебя к телефону! — крикнула Женька и повертела в руках телефонную трубку — для того, наверное, чтобы я поскорее пришла в себя. Приходить в себя я не спешила: за два года это был первый телефонный звонок, адресованный мне. Неожиданный интерес к моей особе настораживал, а вкупе с парнем в кожанке и вовсе наводил на невеселые мысли.

Я поднялась и на негнущихся ногах шагнула к

телефону. Голос в трубке был мужской, приятный и совершенно незнакомый.

— Да? — пискнула я, пытаюсь вернуть сердце из пяток на его законное место.

— Елена Петровна? — пропел мужчина и повторил еще раз: — Кудрявцева Елена Петровна?

— Да, — вторично сказала я. Вышло еще тише и еще писклявее.

— Моя фамилия Бобров Виктор Степанович, следователь Октябрьского РОВД. Я бы хотел поговорить с вами по поводу вашего родственника, Кудрявцева Михаила Бенедиктовича.

— А что с ним? — насторожилась я, до сей минуты и не подозревавшая, что у меня есть родственник, да еще с таким затейливым отчеством.

Голос на том конце провода приобрел некоторую суровость:

— Это не телефонный разговор. Вы не могли бы прийти к нам завтра, скажем, часиков в одиннадцать?

— Нет, — ответила я. — В это время у меня самая работа, особенно по четвергам. Могу подъехать сейчас, минут через двадцать. Почта, где я тружусь, недалеко от отделения... Или в пятницу, в любое время после обеда.

— Хорошо, — с легкой заминкой согласился он. — Значит, в пятницу, в 14.20, третий кабинет.

Мы тепло простились, а я, порывшись в справочнике, набрала номер Октябрьского РОВД.

— Дежурный, — гаркнули мне в ухо, а я вежливо спросила:

— Могу я поговорить с Бобровым Виктором Степановичем?

— С Бобровым? Его нет...

— А когда будет?

— Не знаю, — отмахнулся дежурный. — Он на больничном...

— Сапожники, — покачала я головой, осторожно положив трубку.

Я имела в виду вовсе не Боброва и даже не дежурного, а дядьку с приятным голосом, ну и, конечно, тех, кто надоумил его позвонить мне.

Цель звонка представлялась более-менее ясной: напугать и заставить шевелиться, то есть предпринять шаги, которые выдадут меня с головой.

«И тогда мир узнает, кто я есть на самом деле», — с усмешкой подумала я, направляясь в туалет. Заперла дверь на щеколду, умылась, вытерлась носовым платком и уставилась в зеркало.

— И кто же ты на самом деле? — тихо спросила я свое отражение.

Лицо женщины лет двадцати пяти выглядело бледным, а взгляд усталым. Губы сжаты, нос слегка заострился, хотя общее впечатление отнюдь не плохое. Это неизменно вызывало недоумение: несмотря ни на что, я выглядела молодо и привлекательно и продолжала удивляться тому, что до сих пор не смогла обнаружить у себя ни одного седого волоса, хотя после того, что случилось два года назад, должна была бы поседеть в одночасье...

— Да, — невесело усмехнулась я, проведя рукой по лицу, и покачала головой. — Ну и кто ты? — повторила я, хмурясь, и сама себе ответила: — Да никто.

Не следовало мне так разговаривать с собой, в подобных разговорах есть что-то упадническое,

истеричное, а главное — они совершенно бесполезны.

— Займись делом, — напомнила я себе. — Кстати, твои дела не так уж и плохи. Если они использовали такой дешевый трюк, чтобы тебя припугнуть, значит, вовсе не уверены в том, что ты — это ты. Следовательно, есть верный шанс смыться, — кивнула я своему отражению в зеркале. Нужно собрать кое-какие пожитки и бежать без оглядки, пока они не поняли, что к чему. — Отличный план, — кивнула я и вернулась на свое рабочее место.

Пожитков у меня немного, и, если я покину родное жилище с небольшой сумкой, это особых подозрений не вызовет. Район я знаю как свои пять пальцев, а мой страж не очень, поскольку за время слежки неоднократно умудрился попасть мне на глаза. «Я уйду, — несколько раз мысленно повторила я, желая внушить себе некий оптимизм. — Возьму самое необходимое: смену белья, теплую кофту, туфли, в конце концов, сейчас весна, а не осень, до зимы где-нибудь осяду...»

Два года назад убежать пришлось в октябре... Я поежилась, воспоминания нахлынули разом и больше не отпускали: мой день рождения, взрыв и бегство...

Мой день рождения обещал быть шумным: пришли родители, мои и мужа, старшая сестра с двумя взрослыми дочерьми, сестра мужа со своим женихом, две мои подруги с мужьями. Целый дом народу. Впрочем, дом был большой, на мой взгляд,